

АЛЬБИНА СИНЕВА МЕЖДУ РЕКОЙ И РЕЧЬЮ

Эта местность другого цвета.
Сколько времени утекло.
Междуречье Невы и Леты.
Губ расплавленное стекло.

Под водою плывут деревья,
в низком небе идут стада.
Даже камень еще не верит,
но приходит опять сюда.
Время - это и есть измена.
Помнишь город, и год, и зной,
где река, темна, словно вена,
набухает перед грозой.

Прежний город сутулит плечи,
хмурит каменное чело,
вставший между рекой и речью,
но не помнящий ничего.

Город стерся до основанья.
Только небо хранит следы,
и висят в нем сны и желанья,
как невидимые сады.

* * *

Когда смолкает день, стихает гам,
и нежно пробегает по губам,
травой и земляникою дыша,
твоя сквозная легкая душа -

ах, дудочка! Все дальше голоса...
Притронулась, прильнула, приросла -
вести и длить невидимую нить,
дыхание вытягивать и пить.

Ах, дурочка, чудачка, пустячок,
как дышит в темноте ее зрачок
теплом прохладным - вспомни, разбуди! -
скворечник лета, дырочка в груди.
Ах, девочка-сердечко, навсегда
в кувшине опрокинута вода,
и дням твоим идет обратный счет,
и кровь твоя по воздуху течет.

Не чудо ли, что комната в окне
струится, вьется, тает, как во сне,
и льется мир, изогнут, незнаком,
в тебя затянут, будто сквозняком.

Ах, праздник, но как голос твой далек,
сосудик сна, послушный стебелек.
Вся эта жизнь, притворна и мала,
через тебя пропущена была.

Ты будешь узнан - после, не теперь;
и вспомнишь солнце, лестницу и дверь,
субботний день, и предпоследний раз,
и дудочки своей бессонный глаз.

БЕРЕГ

Склон холма, очертанья кровель,
тропка вниз, и внизу - полоса песка,
край земли, ее влажный профиль,
прядь волос у ее виска.

Так лежит она,
горький глаз навсегда запрятав
глубже дна, глубже памяти -
помнишь, где
взявшись за руки,
мы стояли лицом к закату,
по колено во времени, как в воде.

Посмотри - все дробится в его узоре.
И на самой границе вод
обнажается детский затылок моря,
закругляется горизонт.

Так лежат миры,
потихоньку друг друга гладя,
небо, суша, вода, закат,
голова к голове,
каждый в сны свои молча глядя,
словно звери спят.

* * *

У судьбы всех ниток в иголке поровну,
золотое ее шитье...
Запусти колесо в обратную сторону,
в рожденье мое.

Подтолкни, и пусть у тебя получится.
Будет тихо, как снег лежит.
У судьбы моей нет звезд до полуночи,
только прялка жужжит-жуужжит.

Только это на небе одно и помнится -
где идешь - а все позади темно -
как в груди моей остановится
золотое веретено.

У судьбы моей все звезды на небе умерли,
спать ушли, не начав игры.
Незамечен в сумерки
след от иглы.

* * *

Однажды праздник мой, подаренный кому-то,
вернется навсегда, и он простит меня:
неровная судьба, неверная минута
у лампы, у свечи, у вечного огня,
в оранжевом свете - просвечивают губы,
просвечивают дни, просвечивают сны,
двоются тени их, и проступают буквы,
и письмена сквозят, смертельны и ясны,
прозрачная щека, надорванный пергамент,
шершавая ладонь, предсмертье тишины,
и кожа на виске, и волосы, и камень,
неведомым зрачком они освещены,
и холодок десны, и замершие плечи,
и шепот, и ожог, и зарево стекла,
беспамятство, исход, опустошение речи,
никто не понимал, пока она текла,
и хлещет эта боль, как пустота из крана,
и отвечает - нет, я больше не могу.
Дымятся угольки, и остывает рана,
как алая зора на розовом снегу.

* * *

Эта комната, вечер, и в комнате - ты со мной.
Только воздух участвует в разговоре.
Слышишь - там? Это там, в окне, за твоей спиной.
Это к стенам подходит и медленно дышит море.

Это птицы летят, накрывая крылом закат,
бесконечной тьмой, и от стука когтей и клювов
по стеклу - я не слышу тебя. Что они хотят?
Они умирают, имени не придумав.

Это ветер хочет погреться в твое тепло.
Это в дар тебе к празднику наказанье.
Это рыбы бьют плавниками в твое стекло,
прижимаясь к нему лишенными век глазами.

Ты идешь, открываешь дверь. Там темно всегда.
Не приходит старуха, не просит рубля и хлеба.
А внизу в подъезде стоит вода,
сторожит вошедшее утром небо.

Не нужны ни прощание им, ни твоя слеза -
ничего не надо им, кроме твоей любви.
У нее такие же, как у меня, глаза,
тихий голос и волосы цвета крови.